

Монолог

Роберт Рафаилович Фальк... Сегодня его творчество обретает то место в истории отечественного искусства, которое заслуживает по праву.

После смерти Фалька в 1958 году очень немногие понимали цену его художественного наследия. Тогда основная тяжесть заботы о нем легла на жену Роберта Рафаиловича Ангелину Васильевну Шекми-Кротову. С ней Фальк прожил двадцать последних лет жизни. Двадцать самых ярких лет в ее судьбе.

Теперь почти все картины пристроены по музеям. Состоялось несколько персональных выставок. Вместе с Дмитрием Сарабьяновым подготовлена единственная пока монография о Фальке, которая издана в... ГДР. Вышла книга писем и воспоминаний. Правда, в те времена не о всем можно было вспомнить в печати.

Согласившись на этот разговор, Ангелина Васильевна сказала, что рада не умалчивать больше о многом, что было в ее и Фалька жизни.

— Я не искусствовед. Я была лишь женой Фалька. Поэтому я не буду говорить о его картинах. Я хочу рассказать, что он был за человек, как мы с ним жили.

Я включила магнитофон. Уже через несколько минут я поняла, что это будет не беседа, это будет монолог.

о Фальке

даже подчеркивал их темной краской... В какой-то мере я отдал дань кубизму, многие мои вещи того времени отличаются сдвигами форм. Но это не был логический прием конструктивизма, а я стремился сдвигами формы акцентировать эмоциональную выразительность.

Где-то в 1918-м в творчестве Фалька наступил перелом. Его любимыми художниками становятся Рембрандт, Вермеер, Дельфтский, Тициан, Веласкес, Эль Греко, Сурбаран, Гойя, Ватто, Шарден. В моем архиве хранится письмо, написанное, по всей вероятности, в 1922 году А. Куприну в Нижний Новгород: «...Я все более смотрю назад, к старым мастерам. И мне становится ясно, что искусство последнего времени переживает тяжелую болезнь. У старых были ощущения реальности, и они реально ощущали: то и другое одинаково важно. О таком «маленьком своем ощущении» говорил Сезанн. От этого у них и является такое совершенство техники. Мы же довольствуемся рваной и случайной техникой ввиду неясности и случайности нашего ощущения. Поэтому для меня не столь важно найти внешнюю сторону картины, как докопаться до того, для чего и почему я художник. Тогда остальное очень просто наладится».

«Вскоре после Великой Октябрьской социалистической революции я начал активно работать в Народном комиссариате просвещения — я был членом Всероссийской коллегии изобразительных искусств (то есть организационного центра перестройки художественной деятельности и профессионального образования на новых социальных основах).

Примерно к этому времени я стал на более реалистические позиции в искусстве».

за границу в творческую командировку. Он прожил там почти десять лет и сохранил себя.

Фальк путешествовал по Бретани, побывал на Корсике, проезжал Арль и удивился, что у «Ван Гога он гораздо красивее». Жил в Эксе, где «все наполнено Сезанном». Но больше всего ему нравился Париж. Он говорил, что это не город, а целая страна, каждый квартал — отдельный город. За девять лет в Париже он тринадцать раз менял квартиру, чтобы «пожить в разных городах».

Фальк чувствовал приближение войны и понимал, что если он сейчас не вернется на родину, то это ему скоро укажет. Он отказался от нескольких выгодных предложений о выставках-распродажах. Он поехал домой. Шел 37-й год.

Он говорил мне, что знал, что его могут арестовать, но пусть хоть картины останутся на родине. Фалька не арестовали. Наверное, даже чудовищная сталинская машина давала осечку. Фалька ни разу не трогали. Но и картины его оказались никому не нужны — у него тогда была очень ненадежная репутация. Прошла всего лишь две небольшие выставки: одна в ЦДЛ, где мы с ним познакомились, другая — в 1939 году в ЦДРИ. Музей «Обходился» нашу квартиру за несколько кварталов. Первым делом мы купили Фальку Пушкинскую, директор Русского музея. Причем украдкой по самым дешевым ценам он протаскивал его вещи через комиссию. И это через пятнадцать лет после смерти Фалька. А при жизни ни один музей не купил. Хотя один раз купил музей во Фрунзе, кажется. Но кто-то Александру Герасимову донес, и он послал туда возмущен-

гражданин Советского Союза, имею гарантированное Конституцией право на отдых. Пропу приходите ко мне только в такое время».

Наши быты были очень суровы, денег не хватало. Михозис давал Фальку работу в еврейском театре — эскизы декораций. После гибели Михозиса Эренбург рекомендовал Фальку в Камерный театр на свою пьесу. Один раз Фальк все-таки получил большой заказ: написать строительство Дворца Советов. Храм Христа Спасителя разворотили прямо перед нашим домом, из окна была видна стройка. Несколько эскизов — сейчас в музее. А саму картину я недавно передала в Советский фонд культуры. Когда Фальк показывал свою работу жюри, там сказали: «Нет никакого пафоса созидания, радости труда». А он искренне ответил: «Какая же здесь может быть радость созидания! И вообще, когда я смотрю на свою картину, мне кажется, война скоро будет».

В сорок первом мы эвакуировались сначала в Башкирию, а потом в Самарканд. Там для Фалька нашлась работа преподавателя в Самаркандском художественном училище, а потом в эвакуированном Московском декоративно-прикладном институте. К нам туда приехал его сын Валерик. Прожил он с нами недолго, весной 1942 года его призвали в армию. Мы жили с Фальком в Регистане. Я помню его лекции о жизни в Париже, которые он читал у медресе Улугбека. Тогда послушать его пришли многие: эвакуированные, студенты, местная интеллигенция. Притащили огромный ящик из-под фруктов: Фальк на нем выступал, а я под этим ящиком записывала, чтобы его не смущали. Мне удалось записать много его лекций по искусству. Многие из них опубликованы.

В Самарканде Фальк тяжело заболел. Виновала в этом в какой-то степени я. Я достала брызну, сама не ела: это было дорогое лакомство, оставила Фальку. Эта брызну и заразила его бруцеллезом.

Нам пришлось в эвакуации очень туго. И главное, у Фалька почти не было условий для работы. Чтобы представить, как мы там жили, я приведу выдержки из его писем друзьям в Москву:

«...Вы спрашиваете, удалось ли мне использовать интересные стороны Самарканда и как-нибудь написать. Нет, если не считать некоторого количества акварелей, а по-серьезному не был в состоянии заняться живописью. За неимением лучшего мне пришлось в здешнем художественном училище взять руководство театрально-оформительским отделением. Оплата — 5 рублей в час. Фактически после всяких вычетов, отчислений получалось 3 руб. Чтобы набрать какую-то сумму, я вынужден был очень много часов вязать. Да еще в другом конце города взял также уроки. Был я занят ежедневно 8—9 часов, не считая еще нескольких часов на хождение по этим урокам. Зимой в липкую грязь, а летом при более 40° жары. Как видите, не могло у меня хватать для личной работы ни времени, ни энергии! Зимой мы питались удовлетворительно. Но к началу лета положение весьма ухудшилось. С одной стороны, продукты начали резко удорожиться, а с другой — я потерял свою основную работу в художественном училище. Началось все более и более увеличивающееся недоимание. Болезнь моя в скрытой форме за несколько месяцев до открытого заболевания разрушила мой организм. Все это вместе взятое довело меня до настоящего тяжелого заболевания».

Мы ЕХАЛИ из эвакуации домой вместе с семьями профессоров Матвеева и Фаворского. Фаворский — удивительный человек: беременную студентку, которая ехала с остальными в теплом вагоне, уложил на свое место, а сам сядет всю дорогу — две недели. Иногда только Фальк уступал ему свое место.

не думал, но мое поколение считало, что Сталина за это все можно простить. Фальку война принесла огромное горе — в сорок третьем погиб Валера.

Я пошла устраиваться на работу. Сначала на старое место в Центральный дом художественного воспитания детей. Но заведующая сказала: «Я вас, Галечка, очень люблю, но на нас и так сейчас всех собак вешают, а тут еще жена космополита и формалиста придет работать». Моя подруга устроила меня в авторемонтный институт лаборантом. Постепенно заведующая кафедрой узнала, что я как-то образованна, знала языки. Попросила помочь сделать ей доклад, потом я заменила заболевшего преподавателя. Я, как тогда говорило, стала расти над собой, занялась наглядными пособиями, прочла какой-то на эту тему доклад — пустой, конечно, — на курсах повышения квалификации, меня чем-то премиявали. Но главная моя жизнь была возле Фалька.

Самые счастливые дни были, когда мы летом выезжали куда-нибудь на дачу. Чаще всего по северной дороге: Софрино, Абрамцево... Фальк, правда, предпочитал деревенский дом. Дачники его раздражали. Фальку нравилось, что наша хозяйка встает в пять утра, топчет печку, выгоняет коров — все занято делом. Как тогда не издевались над деревней, а люди еще не отвыкли работать. Фальк и сам был такой же, как они. Он все время работал.

Фальк любил писать пейзажи, натюрморты. Заставлял меня составлять ему букеты. Если получалось хорошо, он милостиво замечал: «Ты ставишь букеты так же талантливо, как французская консервировка». Но больше всего Фальк любил писать людей, слово «портрет» он не признавал. Чаще всего это были его близкие: жена, сын. Их портреты самые одухотворенные, самые емкие.

Я знаю не менее двадцати автопортретов Фалька. Он вовсе не был в себя влюблен, даже очень критически относился к своей наружности, но себя писал часто по многим причинам: не было модели, тем более такой терпеливой, как он сам, или хотел решить какую-то живописную задачу. В последнем автопортрете — итог жизни гордого, беспощадного к себе человека.

Только за год до смерти Фальк как-то сразу состарился. А до этого вел себя, как молодой, полный сил человек.

На панихиде в МОСХе было много цветов, музыки, на стенах в зале повесили картины Фалька. Последнее слово взял Эренбург. Скоро наступит то время, сказал он, когда мы будем спорить из-за картин Фалька. Это время настало. Не сразу, но настало.

Первая персональная выставка Фалька была в 1965 году в Армении. Директор музея там был тогда Армен Арапович Чилингарян. Он один из первых пришел покупать у меня Фалька. «Небось, у нас не захотите сделать выставку?» — спросил он. «Почему не захочу?». Мы договорились, что я пришлю 50 живописных работ и 50 акварелей. Я выслала, жду. Ни ответа, ни привета. Каждый день бегаю к почтовому ящику — ничего. Ну, все, думаю, погубила самые лучшие вещи. Что я скажу дочери, друзьям? Потом, к счастью, выяснилось, что Чилингарян уехал в отпуск, и мои телеграммы просто складывали в стол. В день вернисажа из Москвы пришло распоряжение: афиши снять, никакой рекламы не давать. Но народ все равно все время был.

На знаменитой выставке «XXX лет МОСХа» в 1962 году Хрущев наговорил о Фальке много нелепостей. Но я его не виню. Он уже долго ходил по выставке. Устал. Картины на него лежали. В живописи он не разбирался: понимал только цветную фотографию, передвижников, в крайнем случае. А вот художники, какие поближе к административным высотам, так около него и терлись, подкашивали, давали оценки. Их вину.

После посещения Манежа Хрущевым выстроились страшные очереди. Все мне говорили, что Фалька необходимо снять. Но я знала, что это будет прецедент — могут снять и других. Я ответила, что снимать не буду, хотя пусть снимают сами, но никто не решился.

Как-то я пришла на выставку до открытия, чтобы потонировать раму на одном пейзаже. Служительница мне говорит: «Идите быстро пока народ не набежал, посмотрите Фалькова. Тут чуть на кулачки не бытоса около него. Вот эта жирная толстая...» и на «Обнаженную» показывает, — он с ней жил. Она ему навредила, он ее так и осрамил. А вот это жена, — это про мой портрет в розовой шали, — ее звали ангелом, потому что добрая была очень. Она за ним в Сибирь поехала. «А что развешивать в Сибири был?» — спрашиваю. «Ну, как же. Культурно личностно засланный». «Развешивать?» — «Ну, это я точно знаю, — убеждает меня служительница, — она за ним поехала и вызволила, привезла в Москву. Но уж очень бедно жили. Одну картошку ели», — и чтобы у меня уж окончательно сомнений не осталось, подводит меня к натюрморту с картошкой. Когда я рассматривала про этот разговор Эренбургам, Любовь Михайловна мне говорит: заведите тетрадку, будете записывать «фальклор».

Не знаю, что тут сыграло свою роль, Хрущев или «Люди, годы, жизнь» Эренбурга, но на персональную выставку Фалька, организованную МОСХом в 1966 году в зале на Беговой, очередь была огромная. Там на входе стоял очень занятный старичок. Как-то удивительно потелся со мной. «Знаете, чувствую, что народу нужен, пропустишь двадцать человек, остальных угарываешь, ждешь, чтобы порядок был. А раньше сидишь-сидишь — никто не ходит».

Сегодня у меня таких проблем с выставкой Фалька, конечно, не было бы. Но мне сейчас и не из чего ее делать. Я все раздаю по музеям там, где не могли купить, я дарю. Меня сейчас многие упрекают, что я все разбазарила, но я рада, что в разных городах люди видят картины Фалька.

Ангелина Васильевна смотрит в окна с детского этажа своей квартиры у самой кольцевой дороги. Мне кажется, в этот момент она вспоминает, какой был вид из окна мансарды на золотые купола Кремля.

Материал подготовила И. СМЕРНОВА.

- Р. Р. Фальк.
- В розовой шали.

● Набережная Сены.

● Лиза на солнце.
● Натюрморт на белой скатерти.

Где-то в начале двадцатых Фальк поехал в Витебск, чтобы «унять» Малевича. Малевич там преподавал. На него в Наркомпрос было много жалоб, в том числе и от художников. Фальк поехал тогда с орденом на его арест, но так им и не воспользовался.

Когда в Витебске Фальк вышел с вокзала, он увидел возничка, выехавшего прямо из картин Шагала: с пейзажи, в ласердаке, в шпале. Поехали по городу. Домикши маленькие. По улицам ходят козы, куры. И вдруг Фальк видит, посреди этой улицы возвышаются геометрические конструкции: кубы, цилиндры. Какую-то фантазмагория Малевича на фоне Шагала.

Студия Малевича была как секта. Все мрачные. Малевич говорил чрезвычайно заумно: о пространстве, о том, как надо резать это пространство. Сначала Фальк и Малевич спорили, охрипли, почти не спали целую неделю. К согласию не пришли. Тогда Фальк в соседней с Малевичем комнате сделал свою небольшую мастерскую. Поставил бутылку, ракушку хлеба, кувшин и сказал, как найти правильные пропорции и распределить пространство. Это показалось так примитивно, так понятно, что некоторые убежали от Малевича к Фальку, а потом поехали с ним из Витебска в Москву, во ВХУТЕМАС.

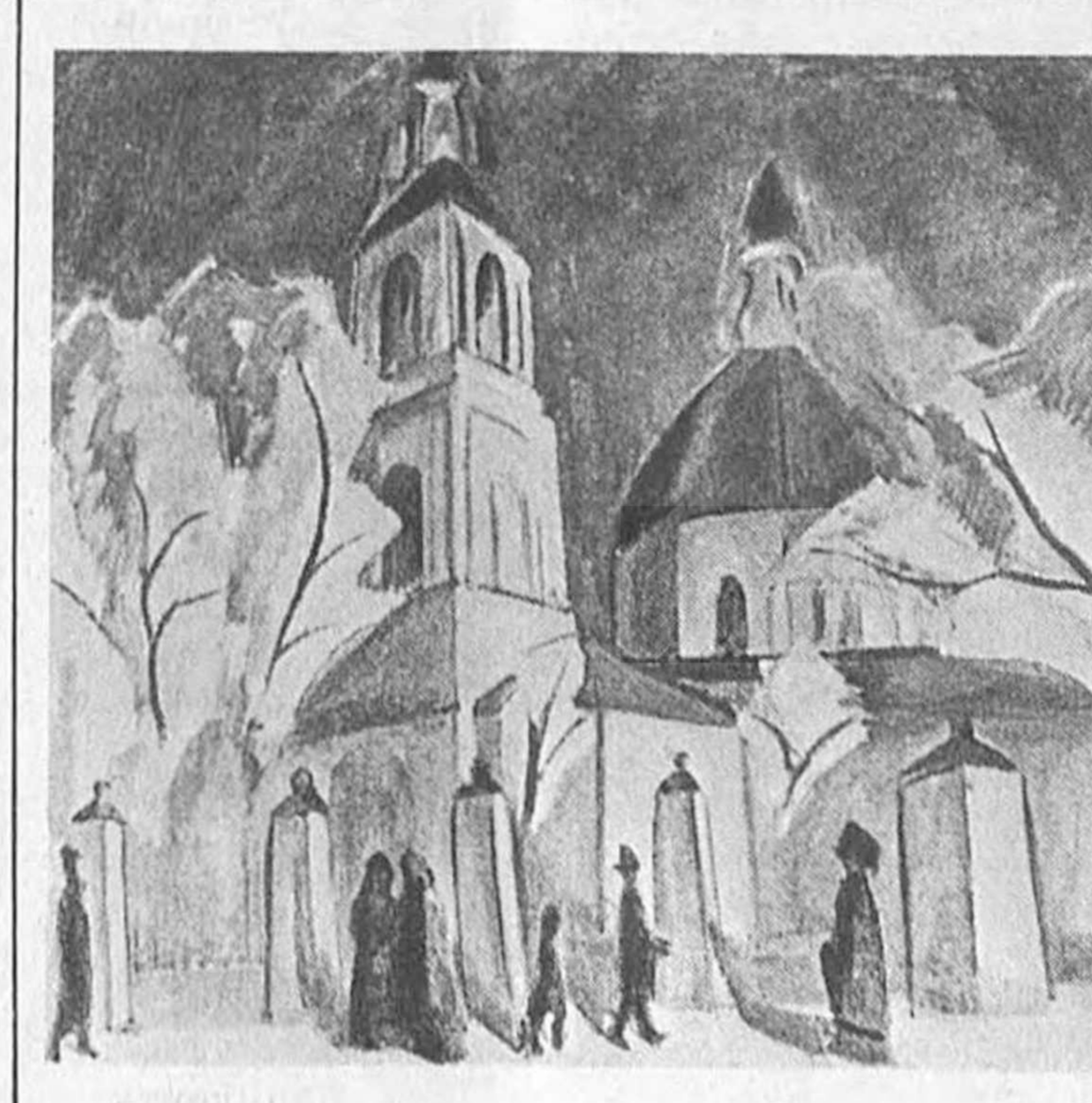
В начале двадцатых «карьера» Фалька складывалась как будто благополучно. Он был профессором живописи во ВХУТЕМАСе, членом коллегии по делам изобразительного искусства при Наркомпросе (1918—1920), действительным членом Государственной академии художественных наук, членом Союза работников искусств со дня его основания, деканом живописного факультета ВХУТЕИНа. Его мастерская считалась лучшей, в нее стремились попасть, его картины покупали столичные и периферийные музеи, его работы представлялись на всех более или менее значительных выставках за рубежом. В 1924 году открывается его персональная ретроспективная выставка в Третьяковской галерее, в 1927 году выставка его работ в Доме ученых. Его имя постоянно упоминается в прессе, о нем пишут крупные искусствоведы.

И все-таки это годы очень непростые для Фалька. В частности, в его личной жизни. Фальк тогда тяжело болел. Изменялась и художественная атмосфера. Как и во многих других областях жизни, начали изживать то, что сегодня мы называем плюрализмом. Многие товарищи Фалька по «Бубновому валету» как-то успокоились, но он не мог смириться. В 1928 году он получает разрешение выехать

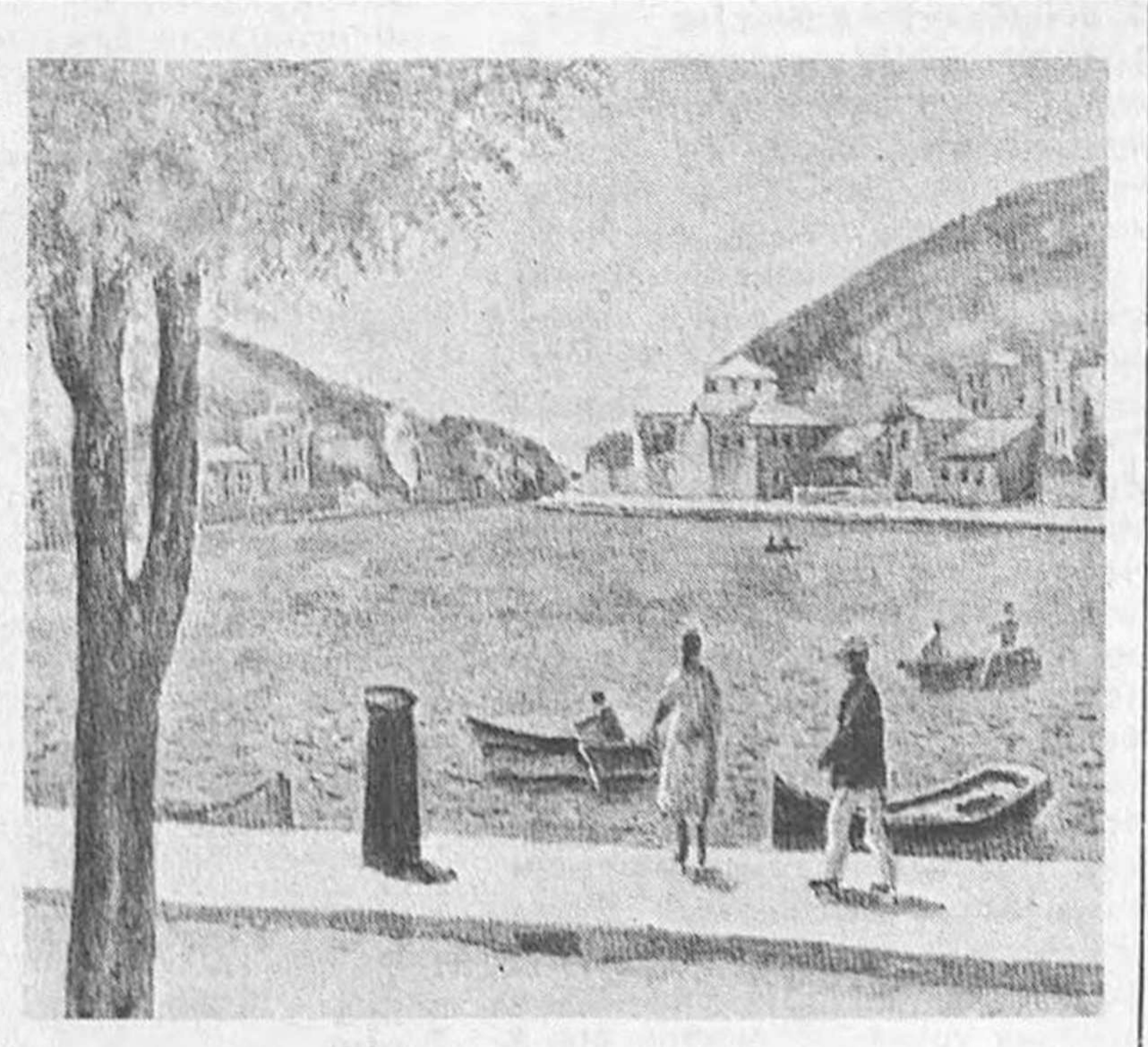
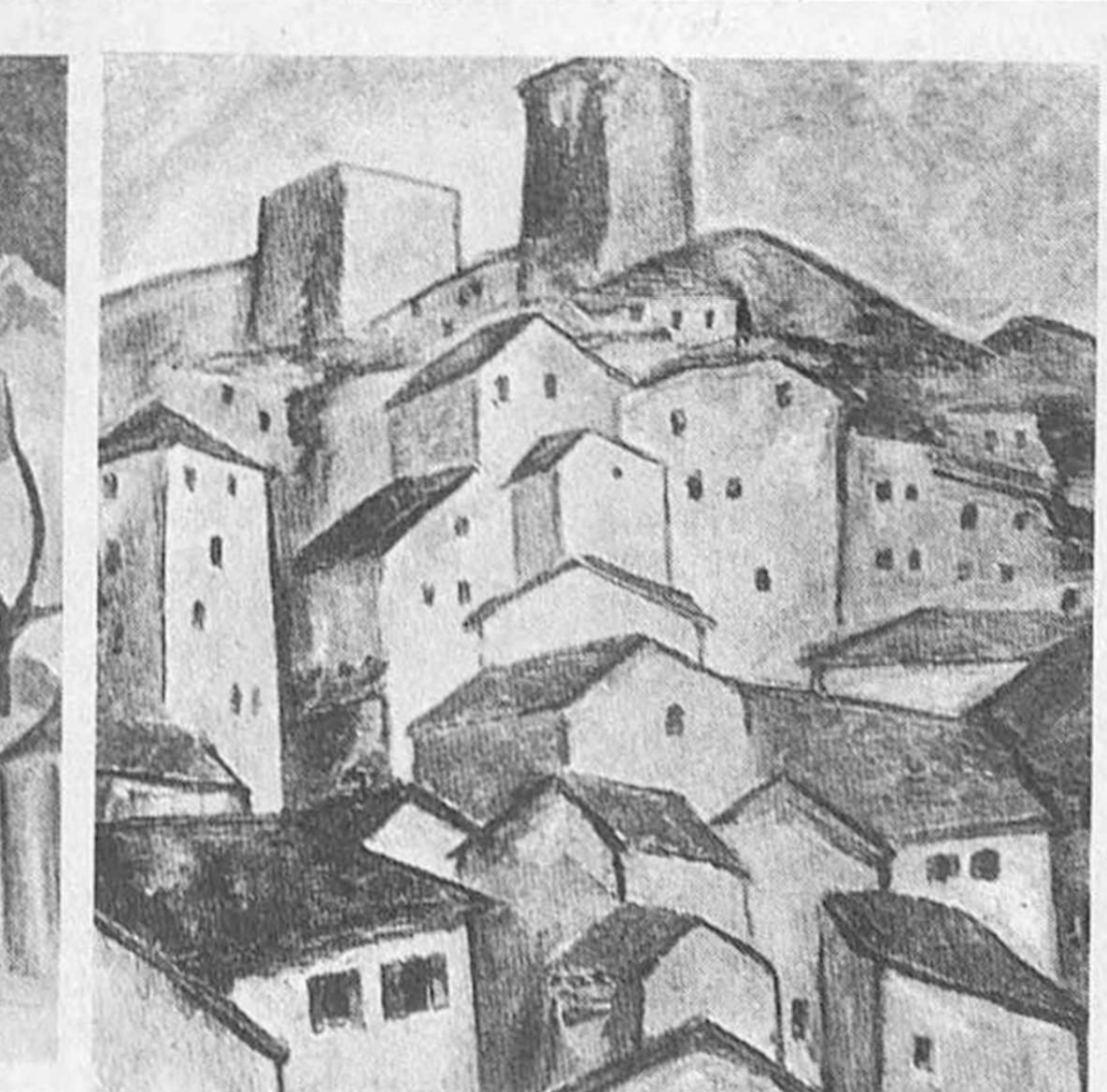
ную телеграмму. Этой вещи я до сих пор не могу найти, ее, очевидно, списали. Так же списали как нелегкий и те картины, которые при помощи Кончаловского приобрел Художественный фонд. В сорок шестом их жгли во дворе Худфонда. Жена Андрея Юмашева, известного летчика, выкупила свой портрет за рубль, дав его тому деревню, который обливал картины Фалька керосином.

ФАЛЬК никогда не бездельничал, работал, как каменотес. Он работал и ставил картины к стенке. Если и не мог по состоянию душевному писать, то грунтовал или прибывал на подрамник холст. Никогда не жаловался, что ему трудно. Он отвлекался от тяжелых мыслей к романам, к музыкой. Я даже научилась петь, чтобы он мог мне аккомпанировать.

У нас не было телефона, к нам шли просто так. К Фальку тогда ходить было не безопасно: он был заклеймен как космополит. Поэтому художники говорили, что ходят к Куприну. Хороший человек был Куприн, но против шерсти никого не глядя. Правда, у него тоже была отдушина от всех этих притворств: он сам себе сделал орган из старых труб и сочинял фуги в духе Баха. Ему, как и Фальку, частые визиты тоже мешали работать. Он повесил у себя на дверях объявление: «Я, как

● Церковь Ильи Обиденского в Москве.

● Сиена.
● Бухта в Балаклаве.

ФАЛЬК очень любил вспоминать о том времени — молодом, озорном. Дружба «бубнововалетцев» оказалась очень прочной, они продолжали поддерживать друг друга и в трудные времена.

В своей автобиографии Фальк писал: «В этот период я любил яркие контрастные сочетания, обобщенные выразительные контуры.

Суббота, 8 апреля 1989 г. № 42 (6610)

Газета Центрального Комитета КПСС

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЦЕНА 10 КОП.

Диалог СССР—Великобритания

ЛОНДОН, 6 апреля. (Спец. корр. ТАСС). Поздним вечером 5 апреля столица Великобритании встретила Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева, прибывшего сюда с официальным визитом.

В 23.00 по местному времени Ил-62 подул в правительственный терминал аэропорта Хитроу. Несмотря на то, что протоколом встречи в столь поздний час не предусматривалось официальных заявлений, многие жители Лондона, большой корпус журналистов разных стран прибыли на торжественную церемонию. У трапа самолета М. С. Горбачева и Р. М. Горбачеву встретили специальный представитель королевы Великобритании и лорд королевской свиты, Премьер-Министр Великобритании М. Тэтчер и ее супруг Д. Тэтчер. В аэропорту был выстроен почетный караул офицеров королевских военно-воздушных сил и исполнен Гимн Советского Союза.

А ранним утром 6 апреля уже началась деловая часть визита. Около трехсот представителей крупнейших телекомпаний, телеграфных агентств и газет мира заняли свои позиции перед входом в резиденцию Премьер-Министра Великобритании на Даунинг-стрит, 10.

У входа в резиденцию М. С. Горбачева встретила

М. Тэтчер. Они прошли в Каминный зал, сфотографировались на память и удалились в кабинет Премьер-Министра для официальных переговоров. Затем состоялась церемония подписания советско-английских документов. Их подписали министры иностранных дел двух стран Э. А. Шеварднадзе и Дж. Хау.

В программе поездки советского руководителя по Лондону Вестминстерское аббатство — неповторимый оазис древней культуры английской столицы. В знак уважения к ее истокам М. С. Горбачев побывал здесь в середине дня. Он остановился у могилы Неизвестного солдата, поклонился памяти англичан — тех, кто пал на полях сражений первой мировой, и тех, кто вместе с советскими воинами освобождал Европу от фашизма в боях на отдаленных фронтах второй мировой войны. М. С. Горбачев возложил венок на могилу, расписался в Книге почетных посетителей.

Затем Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР принимали у себя инженеры и рабочие фирмы «Кейс коммьюникейшнз». Это крупное английское предприятие известно в Советском Союзе как поставщик современной аппаратуры информационного обеспечения в таких областях, как связь, мореплава-

ние, здравоохранение. Рабочие предприятия в беседах с М. С. Горбачевым выражали ему свое удовлетворение в связи с укреплением дружеских контактов между народами двух стран.

Лондонскую встречу приветствуют большинство представителей деловых кругов Великобритании. Многие из них проявили интерес к встрече с советским руководителем, проходившей вечером в Ланкастер-хаусе. Состоялась непринужденная беседа о возможностях расширения связей между промышленниками Великобритании и советскими предприятиями.

В заключение первого рабочего дня визита советского руководителя Премьер-Министр Великобритании М. Тэтчер дала в своей резиденции официальный обед в честь М. С. Горбачева и его супруги. С речами здесь выступили М. Тэтчер и М. С. Горбачев.

Более двенадцати часов продолжался первый рабочий день визита. Английские телекомпании вели с многих событий дня прямой репортаж, живо комментировали и протокольные мероприятия, и непринужденные встречи с жителями Лондона.

ЛОНДОН, 7 апреля. (ТАСС). 6 апреля в советском посольстве в Лондоне

состоялась беседа М. С. Горбачева и А. Н. Яковлева с лидером лейбористской партии Нилом Кинноком и заместителем лидера, «теневым» министром внутренних дел Роем Хэттерсли.

Были затронуты вопросы значения советско-британских отношений и данного визита М. С. Горбачева в Лондон для каждой из стран и мирного процесса в целом.

Нил Киннок изложил позицию своей партии в отношении советской перестройки, которую лейбористы приветствуют, как и внешнюю политику, с ней связанную.

Собеседники обсудили некоторые аспекты разоружения, подчеркнув свое отрицательное отношение к модернизации ядерного оружия и политике безопасности, ориентированной на сохранение ядерного оружия. Они констатировали, что диалог между двумя партиями имеет тенденцию к партнерству не только по международной проблематике, но и по вопросам мирового рабочего движения.

В этой связи М. С. Горбачев и Н. Киннок высказались за то, чтобы коммунисты и социалисты совместно отметили 100-летие образования II Интернационала.

В беседе приняли участие заведующий Международным отделом ЦК КПСС В. М. Фалин и посол Л. М. Замятин.

● Лондон. На Даунинг-стрит, 10 состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева с Премьер-Министром Великобритании М. Тэтчер.

Телефото ТАСС.

Субботний информационно-публицистический выпуск «Аншлаг».

3 страница

Чем призвана заниматься грандиозная оборона! Наверное, спасением жизни людей. Так ли это на самом деле и что мы вообще знаем об этой службе — размышляет журналист Вячеслав Басков.

4 страница

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

Великий русский философ Владимир Соловьев — явление мирового масштаба. Трудно переоценить его влияние на отечественную литературу, философию нашего века.

Сегодня наконец-то широкий читатель может познакомиться с творческим наследием, так и с личностью этого интереснейшего человека.

Газета публикует отрывки из произведений В. Соловьева с предисловием известного советского философа Арсения Гуляева.

6 страница

Продолжаем публикацию материалов под рубрикой «Открытый запасник».

Сегодня — рассказ о мастере, которому не довелось увидеть при жизни переполненные людьми залы своих выставок, о художнике, у которого не было никаких наград и почетных званий, кроме имени «закрытого» для упоминания в прессе. Это — некоторые страницы творческой биографии Роберта Фалька, чье искусство сегодня стало неотъемлемой частью отечественной классики.

9 страница

С радостью и в то же время с грустью рассказываем об одном уникальном музее.

10 страница

РЕКЛАМА. ОБЪЯВЛЕНИЯ

Связь по тел. 285-46-34

12 страница

РАСТЕТ ПОТЕНЦИАЛ ДОВЕРИЯ

Завершение визита М. С. Горбачева в Великобританию

ЛОНДОН, 7 апреля. (Спец. корр. ТАСС). Радужные, искренние, теплые — вот слова, которые в этот момент, в который завершается сегодня кратковременный, но исключительно насыщенный официальный визит Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. С. Горбачева в Великобританию. Эта атмосфера буквально пронизала все встречи на берегах Темзы. Никто не скрывает, что в советско-британских отношениях есть нерешенные проблемы, есть и силы, которые противостоят процессу нормализации. Вместе с тем здесь преобладает мнение о том, что диалог СССР — Англия набирает содержательность и значимость не только в двустороннем, но и в общеевропейском, широком международном плане.

Надежды на позитивные перемены в этом диалоге ясно ощущались и в настроении лидеров нынешней Англии, представителей общественных и деловых кругов, собравшихся сегодня в старейшем зале столицы — городском совете лондонского Сити, чтобы встретиться с советским руководителем. На протяжении пяти веков Гилдхолл был свидетелем и участником всех значительных событий в истории страны. Сегодня здесь тоже вершилась история. Одна из самых престижных трибун Запада предоставлена политическому деятелю, чьи глубокие, революционные преобразования внутри и вне страны получили признание во всем мире.

У входа в Гилдхолл гостей встречает лорд-мэр К. Коллет с супругой. Он приглашает их в зал для почетных гостей, представляет им старейшину. В зале присутствует группа глав дипломатических представительств, в том числе послы социалистических стран.

Затем на подиуме Гилдхолла занимают места М. С. Горбачев, Р. М. Горбачева, М. Тэтчер, Д. Тэтчер. Исполняются гимны Советского Союза и Великобритании.

Открывая церемонию встречи, лорд-мэр К. Коллет напомнил, что лондонский Гилдхолл был свидетелем вражеских действий во время конфликта, в котором наши страны сражались бок о бок, чтобы остановить агрессию. И сейчас мы снова бок о бок, продолжая, мы пытаемся направить ход событий, чтобы уменьшить напряженность и наладить мирное и взаимовыгодное сотрудничество между странами с различными системами во всех областях. Ваши инициативы и инициативы нашего Премьер-Министра захватили сердца и надежды всех свободомыслящих и миролюбивых людей во всем мире, которые ваши мужественные космонавты помогли объединить с бесконечным космосом. И сейчас в мире, сказал лорд-мэр, представляя трибуну М. С. Горбачеву, ожидают ваших слов.

Я знаю, сколь почетно в Великобритании представ-

ление трибуны иностранному деятелю в лондонском Гилдхолле, сказал М. С. Горбачев. Само это здание, с которым связано столько событий, вызывает мысли о связи времен. На исходе XX столетия, бурный, богатейший событиями век, ставший действительно переломным в истории человечества. И редко кто, наверное, не задает себе сейчас вопрос: а что дальше? что за этим рубежом?

В последние годы ощущение ответственности переживаемого момента стало всеместным. Оно связано с надеждой, но и обременено тревогой. Мировое сообщество вышло на развилку двух путей. Одна, общепонятно говоря, — это политика силы. Она — из прошлого. Другая политика только еще формируется. Она обязана бурному процессу кристаллизации целостности и взаимозависимости мира. Ее императивом является приоритет общечеловеческих интересов и ценностей. Мы твердо встали на путь преодоления оскотеняющих догм, привычных схем и стереотипов. Результатом стала перестройка и новое мышление, основанные на внутренних и внешних политиках. И поскольку речь шла о такой стране, как СССР, это повсюду вызвало необычайный интерес, отразилось на международной атмосфере и на реальной политической ситуации в мире.

Интерес к нашей перестройке не ослабевает и сегодня. И, как я понимаю, вы надеетесь услышать от меня, каково сейчас положение, как пойдет дальше перестройка, какие у нее шансы?

Так вот. Перестройка — это всерьез и надолго. И повернуть назад уже никому не удастся. Народ прочно связал свою судьбу с перестройкой. Выборы народных депутатов СССР, прошедшие в неслыханно демократической за всю нашу историю обстановке, показали, что советские люди не собираются сворачивать с пути, избранного четыре года назад. То боре страстей и мнений, тот взрыв интереса к общественным и государственным делам, стремление максимально использовать гласность и защитить ее, сама противоречивость суждений и предложений, работа о том, чтобы опять не разошлось слово и дело, — все это и принципиальные завоевания перестройки, и свидетельство массовой ее поддержки. КПСС получила на этих выборах мощную поддержку народа.

Мы шли на перестройку с открытыми глазами. Предвидели сложность и необычность этого процесса. Понимали, что он станет основой «встряски» для всего общества. В главном мы не ошиблись. Другое дело, что масштаб многих внутренних проблем — политических, экономических, социальных, моральных — выявлялся не сразу, а по ходу начатого де-

ла. Это требует все новых подходов и решений, напряженнейшей интеллектуальной и практической работы.

В этой ситуации проблемы и трудности неизбежны. Ведь речь идет о глубинных преобразованиях во всем — и в образе жизни, и в отношении к труду, к гражданскому долгу.

Мы окончательно и бесповоротно избрали маршрут к новым формам жизни — демократизацию общества во всем. Мы убеждены, что она создаст и уже создает условия для полного самовыражения личности и свободы мысли, что только она позволит раскрыть изначально присущие социализму ценности — такие, как социальная защищенность, справедливость, гуманизм, производственные и человеческие отношения. При этом мы ориентируемся на самые высокие стандарты гласности и информированности людей — как международно признанные, так и вытекающие из наших идеалов и культурно-исторических традиций.

Подчеркнув, что только через демократизацию можно создать отлаженно функционирующую, здоровую, динамичную экономику, М. С. Горбачев продолжал: Мы работали новую аграрную политику. Речь идет о сложной административно-командной системы в сельском хозяйстве. Через различные формы арендных отношений восстанавливается статус крестьянина-хозяина, его право распоряжаться землей, средствами производства и продуктами своего труда. Принятые решения имеют принципиальное значение не только для сельского хозяйства, а и для социально-экономического развития страны в целом, для самой концепции развития нашего общества. Нам предстоит много сделать в сфере международных отношений. И мы это сделаем в ходе адаптации нашего федеративного государства к развернувшимся процессам в советском обществе. Наш основной принцип — сильный центр и сильные республики — отражает волю всех наших народов.

Мощный рычаг решения всех этих проблем, осуществление всех наших начинаний — реформа политической системы. Итого, мы создаем открытое, демократическое, свободное общество, усвоившее уроки своего прошлого, общество, опирающееся на закон, на ответственность и информированность граждан, на их инициативу и предприимчивость, на советский социалистический патриотизм и верность выбору в пользу гуманного социализма, смысл которого — возвышение человеческого. Демократизация советского общества идет в русле утверждения демократических норм открытости в международных делах. Курс на

построение правового государства в нашей стране совпадает с тенденцией к повышению роли права в межгосударственных отношениях. Наша экономическая реформа предполагает более глубокое вовлечение СССР в мировую экономику и, по-видимому, может способствовать формированию действительно мирового рынка, нового мирового экономического порядка.

В последние годы появилась реальная возможность закрыть последнюю страницу послесоветской истории и шагнуть в новый, мирный период.

Напомним, что в общепонимании основы и практические выводы нового политического мышления изложены в Нью-Йорке на Генеральной Ассамблее ООН. М. С. Горбачев сказал: Опыт последних лет позволяет говорить о возможности мирного порядка, строящегося на принципах свободы выбора, на балансе интересов, в условиях сокращения арсеналов оружия и снижения военного противостояния. Мы доказываем и будем доказывать это делами.

Как мне уже приходилось говорить, в течение 1989—1990 годов будут сокращены Вооруженные Силы на 500 тысяч человек, то есть на 12 процентов от их общей численности. Военный бюджет будет сокращен более чем на 14 процентов, а производство вооружений почти на 20 процентов. К реализации этой программы мы уже приступили. Пользуясь случаем, чтобы сообщить вам, что недавно мы приняли решение прекратить в текущем году производство урана высокого обогащения для военных целей. В дополнение к закрытому в 1987 году промышленному реактору по переработке оружейного плутония мы планируем в нынешнем и в будущем году закрыть еще два таких реактора и не ставим вводить их на замену новой мощности. Это еще один крупный шаг к полному прекращению производства расщепляющихся материалов для оружия.

Важнейшая проблема демилитаризации международной политики — ликвидация химического оружия. Целим позицию Великобритании, которая его ликвидировала в одностороннем порядке и выступила инициатором постановки вопроса на международной конференции. У нас неплохое двустороннее сотрудничество. Наши эксперты побывали в Британском центре в Портон-Дауне, а наши в нашем центре. Мы завершили строительство химического оружия и намерены вскоре пригласить туда наших представителей. Советский Союз будет настойчиво добиваться скорейшего заключения всеохватывающей международной конвенции о полном запрещении и ликви-

дации химического оружия. Мы приняли несколько важных решений по конверсии военного производства. Значительная часть заводов и конструкторских бюро оборонной промышленности и связанная с ней наука включены в производство товаров для населения, машин, оборудования, других изделий для аграрного сектора, легкой и пищевой промышленности. Значительная часть военно-транспортной авиации переводится на обслуживание народнохозяйственных грузопотоков. Советский Союз сделал несколько крупных шагов в направлении открытости своей военной деятельности. Мы уже заявили, что в скором времени опубликуем сведения о своем оборонном бюджете. Этим займется новый Верховный Совет. Трудность в том, что неконвертируемость рубля мешает объективному сопоставлению наших расходов с военными расходами Запада. Ищем наиболее адекватный способ представить свои данные.

Что касается численности наших Вооруженных Сил, то могу уже сейчас сообщить следующее. По состоянию на 1 января с. г., она составляла 4 миллиона 258 тысяч человек, в том числе сухопутных войск — 1 миллион 596 тысяч, Военно-Морских Сил — 437,3 тысячи. Остальные — это ракетные войска ПВО, ВВС и силы оперативного и материально-технического обеспечения. В результате одностороннего сокращения наших Вооруженных Сил общая их численность к концу 1990 года составит порядка 3 миллионов 760 тысяч. Для сравнения: общая численность вооруженных сил США с учетом национальной гвардии (у нас подобные компоненты входят в состав Вооруженных Сил) — более трех миллионов человек. При этом численность военно-морских сил США в два с лишним раза больше, чем у Советского Союза.

Данные о военных потенциалах ОВД и НАТО в Европе мы опубликовали. Они показывают примерный паритет. Если сравнить вооруженные силы ОВД и НАТО в целом, с учетом стратегических ядерных сил, то данные по ОВД таковы: 5 миллионов 300 тысяч человек; десять с половиной тысяч самолетов; 4 тысячи 200 боевых вертолетов, 80 тысяч танков; 160 крупных надводных кораблей. По всем этим показателям, кроме танков, НАТО превосходит ОВД. Словом, страхи по поводу «советской военной угрозы» не имеют оснований.

Как известно, мы против неоправданных уязвок в делах разоружения. Не ставим достижения согласия в одном вопросе в зависимость от решения по другому вопросу. Но это — скорее проблема организации переговорного процесса. Объективно же

готовы оказать вам помощь в практическом плане. Здесь, в центре Лондона, сосредоточены не имеющие себе равных в опыте торговли и экономика, и Вы обнаружите здесь повышенный интерес к нашим экономическим реформам и огромную готовность участвовать в этом процессе.

Мы упоминали о трудностях, с которыми приходится сталкиваться в процессе переговоров. Конечно, трудности есть, они всегда сопряжены с великими начинаниями. Мы верим в то, что они будут преодолены, и последние выборы утвердили нас в этой вере.

Мы тоже хотим видеть меньше оружия при условии постоянного обеспечения нашей безопасности и обороны. Мы тоже предпочитаем решать мировые проблемы путем переговоров, а не путем силы. Мы тоже хотим действовать сообща в решении широких глобальных проблем.

Мы говорили, господин Президент, об общеевропейском доме. Мы оба хотим чувствовать себя в безопасности в этом доме. Опасения Западной Европы уменьшились, однако предстоит пройти долгий путь, прежде чем они будут окончательно устранены. В последнее время произошли огромные и существенные изменения, и мы начинаем двигаться к достижению этой цели.

Мы сможем построить и сформировать наше будущее, если мы проявим для этого волю, воображение и настойчивость. В Вашей замечательной речи Вы показали, что вы взяли за эту задачу. Мы с нетерпением будем ждать того дня, когда ваши намерения, которые Вы изложили здесь, будут превращены в жизнь.

Мы изучим Вашу речь с огромным вниманием. Желая Вам и всему советскому народу всех возможных успехов, процветания и осуществления всего задуманного.

По окончании встречи в Гилдхолле советские гости направились в Виндзор — загородную резиденцию английских королей. Расположенный в 37 километрах от Лондона замок возвышается на небольшом холме среди живописных парков и зеленых лугов.

М. С. Горбачев и Р. М. Горбачева встречают королеву Великобритании Елизавету II и ее супруг герцога Эдинбургского принца Филиппа. После взаимных приветствий герцога Эдинбургского приглашает М. С. Горбачева обойти строй почетного караула. Советский руководитель принимает приветствие на русском языке начальника караула. Звучит Гимн Советского Союза.

После завтрака, который королева Великобритании дала в честь высокого советского гостя, М. С. Горбачев тепло простился с хозяевами Виндзорского замка и направился в аэропорт Хитроу.

Н. ЖЕЛЕЗНОВ, Ю. ЛЕВЧЕНКО, В. ЧУКСЕЕВ, Г. ШИШКИН.